

УДК 101.1

DOI: 10.21146/1606_6251_2023_1/2_48_77

В.Н. Шевченко

КАКАЯ ФИЛОСОФИЯ НУЖНА СЕГОДНЯ РОССИИ?

***Аннотация:** в статье рассматривается один из самых актуальных вопросов современной жизни российского общества: при каких условиях философия может более эффективно служить сегодня динамичному развитию России. Доказывается правомерность введения такого составного понятия как публичная философия в категориальный аппарат современной социальной философии. Далее утверждается необходимость четкого разграничения академической, профессиональной и публичной философии как особым образом выделенной части содержания академической философии.*

Основной смысл идеи публичной философии состоит в том, что она представляет собой некоторую совокупность ценностей и принципов, на которых российская (русская) цивилизация строилась и продолжает свое развитие. Значительное внимание уделяется анализу процесса становления общенациональной интегративной идеологии, которая мыслится как синтез идеологии консерватизма с важными сторонами идеологии советского социализма и западного либерализма. Дан подробный анализ тех трудностей и препятствий, с которыми сталкивается процесс формирования интегративной идеологии в российском обществе.

***Ключевые слова:** академическая философия, публичная философия, просветительство, политический активизм, интегративная идеология, консерватизм, советский социализм, западный либерализм.*

Шевченко Владимир Николаевич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН (Москва). E-mail: vladshevchenko@mail.ru

Вступление. Сегодня можно встретить много размышлений по теме статьи. Ответ в общем-то предсказуемый – нужна такая философия, которая будет служить благу России. Но вопрос заключается в том, что в любом развитом обществе можно встретить постоянно растущее многообразие философских школ и направлений, которое выступает показателем естественно протекающего духовного развития общества. Конечно, не может быть одной единственной философии или единственно правильного философского учения. Такое состояние философии может быть достигнуто только с помощью запретов, которые диктуются исключительными обстоятельствами, а, стало быть, оно является временным явлением.

Так что же означает выражение «философия, нужная для современного общества»? Нужная для каких его целей? Если Россия возвращается к себе, то, скорее всего, имеется в виду, какая из существующих философий или несколько из них в наибольшей степени подходят для решения тех сложных исторических задач, которые стоят сегодня перед страной. С одной стороны, власть проявляет огромную заинтересованность в создании стратегии развития страны, которая была бы основана на достижениях отечественной философии, на том, что говорит наш многовековой культурно-цивилизационный опыт. С другой стороны, многие философы, остро переживающие нынешнее сложное положение в стране и равнодушные к её судьбе, постоянно предлагают государству и обществу свои концептуальные разработки.

Но, несмотря на содержательную научную и не только научную полемику последних десятилетий, вопрос по-прежнему остается далеким от разрешения. В центре внимания общественности страны оказалась как проблема выбора философии, так и рефлексивное отношение философии к тем поискам идеологии развития, которые и сегодня далеки от завершающей стадии.

Философия в публичном пространстве или публичная философия? А.В. Смирнов в своей статье «Текущие задачи русской философии» отметил, что за «тридцать лет философия в России акцентированно, усиленно развивала собственное индивидуальное сознание – и каждого отдельного философа, и философии в целом. Но философия очень мало влияла, если вообще влияла, на общественное сознание. Общество существовало само по себе,

философия сама по себе. ...Произошло разделение философии и общества, индивидуального философского сознания и сознания общественного» [12, 189-190].

В начале XXI в. ситуация стала понемногу меняться. В 2008 г. совместными усилиями был создан Московско-Петербургский клуб. Сопредседателями Управляющего совета клуба стали А.А. Гусейнов и В.В. Миронов. Клуб сделал много добрых дел. Было опубликовано 12 солидных книг, трехтомник «Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге». Было проведено несколько заседаний клуба, собиравших поначалу большую аудиторию. В Институте философии РАН и за его пределами был проведен ряд мероприятий по реализации проекта «Философия в публичном пространстве». В институтской среде развернулась интересная дискуссия на тему: «Кому и зачем нужна сегодня философия» (см. прим.1).

Философы стали гораздо чаще появляться на публике, заявлять о себе в публичном пространстве российского общества. Был разработан, в частности, проект «Философская мастерская», состоявший из ряда циклов: лаборатория, мастер-класс, круглый стол, публичные лекции. Часто вспоминали и высоко оценивали в ходе различных мероприятий публичные лекции отечественных философов, историков XIX – начала XX вв.

В 2015 г. при активном участии сотрудников Института философии РАН был разработан большой проект «Философия в публичном пространстве современной России», который был изложен в виде отдельной брошюры [14]. Проект был оформлен в виде Доклада Совету при Президенте Российской Федерации по науке и образованию. Он состоял из четырёх разделов: «О значении гуманитарных наук для разработки и реализации долгосрочной стратегии развития России»; «Состояние российской философской инфраструктуры»; «Интеллектуализация России: цели и задачи»; «Институциональное решение: Национальный философско-просветительский центр». Однако после 2015 г. активность клуба пошла резко на спад после того, как потерпели неудачу попытки добиться подписания Президентом указа об объявлении 2016 г. Годом философии. По-видимому, главной причиной неудачи стал односторонний крен в сторону просветительства, просветительской работы философов в обществе.

Действительно, речь шла только о просветительстве и не было ничего сказано об активном участии в политической жизни страны. Но эта просветительская позиция разработчиков проекта была принципиальной позицией. Автор настоящей статьи выступил в журнале «Философский журнал» со статьей «Зачем нужна обществу публичная философия?» [15].

В статье обосновывалось положение о том, почему и каким образом философам следует активно участвовать в политической и идеологической жизни. В практическом плане такая постановка вопроса не несла ничего нового, так как определённая часть философов так или иначе принимает участие в обсуждении и решении задач политико-идеологического характера. Но речь шла о большем: о принципах участия в этом деле и о концептуальном видении основной тематики выступлений. Впрочем, такая постановка вопроса не привлекла внимания со стороны философов, хотя в указанной статье говорилось о такой принципиальной альтернативе: или Философско-просветительский проект или Философско-идеологический проект, в котором утверждалось бы активное участие философов не только в просветительской, но и в политико-идеологической жизни страны. Иначе говоря, речь фактически шла о более широком понимании проекта с несколько иным названием – «Публичная философия в современной России».

Если посмотреть на процессы, идущие в социальных науках и гуманитарных дисциплинах, то можно обнаружить сильные аргументы в пользу такого решения. Оказывается, есть «публичная история», «публичная социология» и даже «публичная медицина».

В чём заключается смысл публичной социологии? К примеру, профессор Калифорнийского университета М. Буравой в своей, ставшей широко известной, программной статье «За публичную социологию», высказался за разделение социологического знания на четыре типа: на академическую, критическую, публичную и прикладную социологию [2, 8]. Современная публичная социология, пишет автор, носит органический характер. Она взаимодействует с конкретными организациями рабочего движения, правозащитными организациями, религиозными группами, соседскими или другими местными объединениями с целью вывести их деятельность из сферы, замкнутой на себя, в

публичное пространство, а также сделать их идеи и деятельность видимой. Нужно научиться и быть готовыми взаимодействовать с ними через открытый диалог, свободное и равное участие, когда нет единой нормативной системы ценностей. В этих рассуждениях можно усмотреть прямую связь между растущим многообразием деятельности институтов гражданского общества и развитием публичной социологии.

Несколько иная ситуация сложилась вокруг публичной истории. Понимание целей и задач публичной истории трактуется в ином ключе. Обращает на себя внимание статья «Прикладная история или Публичное измерение прошлого», опубликованная не так давно группой немецких ученых. Публичная история – сравнительно новая отрасль знания, которая посвящена «бытованию истории в публичной сфере, как с практической, так и с теоретической точки зрения» [1, 234], и она занята переводом исторического знания с академического языка на язык публичных репрезентаций, т.е. знания, предназначенного для использования широкой публикой.

Другими словами, публичная история – это курс истории для неспециалистов, которым нужны сведения для выполнения коммерческих или просветительских программ, например, для оформления выставок, музеев и т.д. Публичная история появилась в начале XX в. в Германии и во второй половине XX в. получила широкое распространение во всем мире. К примеру, созданное в Университете г. Гейдельберга в 2010 г. направление «Public History» занимается выпуском историков, которые хотели бы работать во внеуниверситетской сфере, например, в издательском деле, СМИ и музеях. В России также разработаны в некоторых высших учебных заведениях учебные курсы по «Public history».

В сфере политического знания принято разделение на фундаментальную, институциональную и прикладную политологию. И на этом фоне обращает на себя внимание отсутствие публичной политологии как специфического типа знания, хотя в общественной и политической жизни, по-видимому, можно найти то, что можно отнести к этой сфере знания. Это конкретное политическое знание, которым руководствуются в своей публичной деятельности самые различные политические и общественные объединения и организации.

Задачей публичной медицины выступает, в частности, борьба (прежде всего, в открытом виде) против отношений насилия и террора между людьми, мистических ценностей и псевдознаний, особенно тех, которые направлены на дезориентацию масс в отношении здоровья, здорового образа жизни, питания и физкультуры.

В конце концов, если имеются публичные социология, история и медицина, то почему нельзя иметь публичную философию, которая может и должна выступать в роли концептуальной и теоретической основы идеологии. Противники этой точки зрения говорят о ней, как об опасной для самой философии позиции. Напротив, я полагаю, что это важнейший путь практического эффективного воздействия философии на развитие общества. Но, несомненно, философия должна оставаться при этом академической, профессиональной, тесно связанной с мировоззрением. Как же совместить две несовместимые, на первый взгляд, функции? В этом и состоит главная цель моего исследования.

В течение ряда лет в Институте философии РАН работал Общеинститутский семинар, на котором тема «Философия и идеология» постоянно оказывалась в центре внимания его участников. В частности, состоялась интересная дискуссия между Э. Соловьёвым и В. Межуевым. Уже названия опубликованных позже докладов говорили о принципиально различных позициях, которые они занимали.

Статья В. Межуева называлась «Философия как идеология», в которой он пишет о прямой связи классической философии с основными идеологиями буржуазной послереволюционной эпохи. Гуманизм Возрождения получил продолжение в идее коммунизма и утопического социализма, философия Просвещения сформировала идеологию либерализма, а философия романтизма во многом повлияла на идеи консерватизма. Сегодня каждый сам себе философ, а ныне существующая профессиональная философия все больше обретает камерный вид мысленного эксперимента интеллигента-одиночки. Какая философия может претендовать сегодня, спрашивает автор, на роль мобилизующей идеологии нашего времени, способной сплотить вокруг себя достаточно большое число людей? [6].

Э. Соловьёв в статье «Философия как критика идеологий», напротив, утверждает, что «идеология – это доктринально оформленное ложное сознание, которое, как правило, а) выдаёт известный частный, особенный интерес за *всеобщий*; б) предъявляет относительные, исторически обусловленные истины в качестве безусловных и абсолютных («*истин в последней инстанции*»); ...борьба за освобождение людей из-под власти идеологий не может быть успешной (а) без коренной перестройки образования и (б) без философского просвещения, избавленного от изъянов и односторонностей просветительства» [11].

Следует, между прочим, заметить, что философы, принципиально ограничивающие свою деятельность в публичном пространстве просвещенческой программой, по моим наблюдениям, часто оказываются в своеобразной пассивной оппозиции к существующей власти по сравнению с теми, кто вовлечен более-менее активно в политико-идеологическую деятельность. Эту ситуацию пассивной оппозиции можно понять и теоретически осмыслить, если принять к рассмотрению высокоцентрализованный характер государственной власти и управления, стремление власти решать насущные задачи в большей степени при помощи административно-управленческих структур, нежели посредством их публичного обсуждения.

Таким образом, перед нами имеется две группы ученых внутри единого философского сообщества, часто противостоящие друг другу по своему отношению к публичной деятельности, но сохраняющие, как правило, свою общую приверженность академической, профессиональной философии. Представляется также несомненным и то обстоятельство, что одновременно существуют и взаимодействуют две ипостаси философии – академическая философия и публичная философия. Последняя рассматривается как теоретическая основа практической идеологии, функционирующей в обществе. Имеем мы здесь в виду сегодня государственную или общенациональную идеологию – вопрос важный, но его мы кратко коснёмся в дальнейшем.

Любопытный материал содержится в беседе, состоявшейся в 2010 г., нынешнего главного редактора журнала «Вопросы философии» Б.И. Пружинина с известным ученым В.Ж. Келле. Б.И. Пружинин вспомнил о том, что философы, работавшие в

1960-г. в отделе исторического материализма Института философии АН СССР, «попытались различить и по возможности демаркировать истмат как идеологию и истмат как концептуальное основание научного взгляда на общество» [10, 61]. В.Ж. Келле в ходе интервью раскрыл подробно смысл этого различения: «Мы с Ковальзоном выдвинули идею, что идеология и познание образуют две тенденции в развитии общественного сознания, которые не совпадают друг с другом. Есть познавательная тенденция, ориентированная на объективность, и есть идеология, ориентированная на интересы. И в каждой форме сознания соотношение их своеобразное. В одних превалирует познание, в других – идеология. Но единственная форма сознания, которая анализирует и оценивает адекватность этих соотношений, – философия. В самой же философии соотношение идеологии и познания должна, так сказать, оценивать сама философия. Во всяком случае, философия – это та область сознания, которая занимается как раз этими вещами, что мы и делали в нашей книге. Надо сказать, для нас такая постановка вопроса была некоторой новацией. На Западе давно идеологию и познание разделили» [10, 65].

Цель моего исследования – доказать правомерность введения такого составного понятия как публичная философия в теоретический категориальный аппарат социальной философии. Важно провести эту демаркацию с тем, чтобы академическую философию «оставили в покое», чтобы власть каждый раз не пыталась вмешиваться в её развитие в связи с изменениями текущей политической ситуации. А каждый профессиональный философ сам выбирал бы общественную позицию: участие в просвещении или идеологических дискуссиях, или занятие исключительно академической, профессиональной философией. Другое дело, когда речь заходит о философском сообществе как весьма сложном социальном институте. Оно не может не выражать своего отношения к господствующей в обществе идеологии, к идеологической ситуации в обществе.

В своеобразном положении находятся философские факультеты отечественных университетов. С одной стороны, они готовят кадры для профессиональной философской деятельности, а, с другой, преподавательские кадры для нефилософских вузов.

А.А. Гусейнов в статье «О назначении философии» подчёркивает наличие проблемы перевода профессиональной философии на естественный, общедоступный язык. «Признавая законность требований читательской публики, желающей видеть философские тексты общедоступными, и высоко ценя стремление философов приблизить свой язык к естественному, следует отметить, что между ними всегда остается зазор, который нельзя преодолеть без специальных усилий. Что представляет собой “переходник”, позволяющий переводить тексты с одного языка на другой, и может ли это делать один и тот же человек — особый вопрос» [3].

Примерно до середины XIX в. зазор между профессиональным языком философии и естественным языком публичного общения был настолько велик, что конкретные практики перевода философского умозрительного знания на общедоступный язык фактически не возникали, хотя это знание, безусловно, оказывало большое влияние на характер решения актуальных проблем общества — политических, социальных, духовных.

Философия, разрабатываемая автором или коллективом авторов как целостная система, создает своё идеальное царство мысли — и потому содержит не только рациональное, но и утопическое начала. Философия мысленно конструирует некое идеальное царство, построенное на таких ценностных основаниях, которые дают человеку новые надежды и открывают перед ним новые перспективы. Философия стремится выразить свое понимание не только предельных онтологических оснований бытия, его универсальных всеобщих констант, в т.ч. и социального бытия, но и должного, совершенного или желаемого устройства общества в будущем. Отсюда проистекает неустранимое многообразие самых разных философских версий национальной идеи, особенно если говорить об отечественной академической философии.

Философия как теоретическое обоснование идеологии решает другие, не менее сложные, задачи. Введение понятия «публичная философия» позволяет дать более ясное понимание сути названного выше «переходника» между профессиональной философией и публикой, различными политическими и общественными организациями, которые обращаются к философским текстам или к самим философам в поисках ответов на волнующие их проблемы.

Как работает публичная философия. В поисках аргументации автор статьи обратился к работе «Публичная философия» американского философствующего политолога и политического обозревателя У. Липмана, которая была написана им в середине прошлого века, и, тем не менее, не устарела в постановке проблемы, поскольку в ней описывается примерно та самая ситуация, о которой сейчас идёт речь.

У. Липман пишет, что публичная философия является базой и оплотом политических институтов западного общества, и её наличие не вызывает у него никаких сомнений. Европейские просветители XVII-XVIII вв. были сторонниками определённой публичной философии – учения о естественном законе, согласно которому «есть некий закон, и он выше властителя и суверенного народа, ...выше всего сообщества смертных» [5, 90]. Человеческий разум способен произвести на свет универсально значимое знание, единое для всех понятие закона и порядка (cosmos). Исходя из этих представлений, философы Просвещения XVIII в. обосновали свою государственно-властную конструкцию. Публичная философия включает в себя конкретный набор ценностей, безусловно определяющих суть западной цивилизации, начиная, как считает У. Липман, с Римской империи. И эти ценности, – пишет он, – «не работают в сообществах, которые не придерживаются этой философии» [5, 93].

У. Липман разделяет сложившееся в европейском сознании представление о том, что публика есть важнейшая категория либерально-демократического, западного государства. Публичная жизнь граждан – это открытое взаимодействие между ними посредством диалога. Публичные обсуждения, ведущие к достижению результата, тогда обретают смысл, когда имеется некоторое объединяющее и правоустанавливающее начало для всех граждан. Такое начало было формой организации публичной жизни в античном полисе. Публичные дискуссии становятся нормой и имеют позитивные результаты только в рамках принятой системы ценностей, т.е. при наличии объединяющего начала. У. Липман полагает, что граждане перестают заниматься политикой и уходят в приватную жизнь, когда объединительное начало подвергается эрозии, ставится ими под сомнение. Он всерьёз озабочен падением публичного интереса к политике.

У. Липман отмечает, что нужно восстановить то объединяющее начало, те принципы, на которых строится западная цивилизация. Политический дискурс имеет в западном обществе место и обретает смысл, когда есть общее основание, выражающее специфику западной цивилизации, когда есть консенсус по вопросам устройства государства. Право пользоваться этими институтами принадлежит тем, кто согласен с необходимостью их существования. Тогда можно обсуждать вопросы политической культуры, приветствовать умеренность и осуждать крайности. У. Липман в этой связи пишет и о разрушительной деятельности революционеров. Создаваемые ими движения враждебны государству и как таковые подлежат уничтожению. Сдерживать их или ставить вне закона — это вопрос целесообразности практического разума.

Таким образом, основной смысл идеи публичной философии, по У. Липману, состоит в том, что она включает в себя некоторую совокупность ценностей, выступающих основой идеологии, которая рассчитана, в первую очередь, на публику, т.е. на активных граждан. Она играет роль философского обоснования эффективности идеологии, которая, с одной стороны, сплачивает общество, а, с другой, устанавливает барьеры, границы дозволенного.

Идеология довольно жёстко определяет эти границы существования и практической реализации либерально-демократических свобод. Если эти идеологические рамки признаются активной частью граждан, то возникает публичная политическая жизнь, в том смысле, что возникают разного рода политические объединения и движения. С точки зрения этой идеологии, становится излишним всякое сомнение в безусловности объединительного согласия. С помощью самых различных, в т.ч. и репрессивных мер, все различные массовые и политические движения, включая европейские социал-демократические движения, принуждаются к соблюдению идеологических рамок и партийной дисциплины. Это принуждение оказывается процессом, которым жестко управляет власть, а сама категория принуждения приобретает некий онтологический смысл. Вся политическая практика XX в. говорит о том, что рамки любой идеологии оказывались слишком тесными, поэтому появлялись и появляются

новые политические движения, которые постоянно ставят их под сомнение.

Идеи У. Липмана подхватил в середине 1990-х гг. Джозеф Овертон (1960-2003), американский юрист и общественный деятель, который предложил для оценки политической тематики свою концепцию «Окно Овертона». Согласно последней, есть определённый круг мнений, который общество одобряет или порицает, а их выразителями выступают политики, СМИ, разного рода общественные или гражданские активисты. Если говорить кратко, то это – список идей и вопросов, о которых политики могут говорить без опаски для своей репутации. В «Окно» входит то, что приемлемо и допустимо для политиков в данном обществе. А что не приемлемо, лежит вне рамок «Окна», не должно публично звучать.

В 2006 г. публицист Дж. Тревиньо дополнил Овертона, предложив шкалу допустимости идей в открытом обсуждении: немыслимое, радикальное, приемлемое, разумное, стандартное. Три последних пункта – это то, что входит в «Окно Овертона», о чём говорить можно; а два первых – вне обсуждения. По сути, эту шкалу можно взять за основу технологии, цель которой состоит в том, как эволюционным путём та или иная идея в глазах общества может быть превращена из немыслимой в обществе в действующую норму с вытекающими отсюда последствиями.

Итак, можно с достаточной обоснованностью говорить о двух ликах философии. Есть философия академическая и философия публичная. Последняя составляет некоторую часть академического знания, особым образом отобранного. Мы уже отмечали ранее, что философская основа идеология У. Липмана вполне определённо выражает базовые характеристики западной цивилизации. Следовательно, и применительно к российскому обществу можно ставить вопрос о том, что публичная философия по своему содержанию тоже должна быть тесно связана с характеристикой цивилизационных основ российского общества, если, конечно, мы признаём существование российской цивилизации.

Философия в публичном пространстве России как публичная философия. «Вторжение» профессиональных философов в сферу публичных дискуссий предполагает, что такой философ способен к выполнению весьма сложной работы по соединению ака-

демических поисков и достижений с поисками и реализацией оптимального вектора развития страны через постоянный возобновляемый дискурс с различными политическими силами.

Другими словами, публичный философ – это профессионально подготовленный философ, который отваживается вступить в обсуждение весьма острых общественных проблем в рамках существующего партийно-политического пространства. Публика как политически активная часть общества стремится понять смысл происходящих в обществе процессов и, прежде всего, решений верховной власти, выступлений оппозиции, предлагаемых ею альтернатив. В разрыве между профессиональной философией и многочисленными политико-идеологическими практиками формируется поле применения знания особого рода – публичной философии, «заточенной», как говорят сегодня, на постоянный дискурс между всеми участвующими в нём политическими и общественными субъектами. Дискурс может и не складываться, и тогда возникает проблема, как быть с теми, кто не желает идти на какие-то публичные обсуждения и тем более компромиссы.

Сложность выявления границ и перспектив публичной философии в современной России состоит в том, что политическая система в ней строилась по иным лекалам, чем в Европе. Вплоть до самого последнего времени общество было фактически поглощено государством, властно-управленческими структурами. Публичное пространство возникало и развивалось главным образом за пределами политической сферы. Отсюда и естественное увлечение философии просветительскими целями и ограничение себя этой деятельностью. Сегодня публичная политика вновь идёт скорее не по пути диалога, а по пути перевода решений реальных политических проблем на административные рельсы. Для этого имеются причины, прежде всего, объективного характера и потому постоянно корректируются законы, регулирующие публичную сферу, границы дозволенного в политике.

Публичная философия может выступить сегодня в конкретной ситуации как сложное, теоретическое знание, которое, прежде всего, содержит в себе характеристику основных черт российской цивилизации. Скорее всего, цивилизационное начало является в ходе разработки объединительной идеологии первич-

ным по отношению к дискурсивной практике, к постоянному сопоставлению конкурирующих предложений. И это даёт основание говорить о реальной возможности достижения устойчивого национального согласия в стране. Тем более, что цивилизационный подход в сегодняшней российской трактовке заметно деполитизирован, классов и сословий нет, есть только социальные слои, культурно-исторические традиции, духовно-нравственные ценности, а также государство и присущая ему властно-управленческая иерархическая структура и т.д.

Постановка вопроса о существовании публичной философии имеет ещё и другую сторону, которая связана с преподаванием философии в вузах для неспециалистов. В них всегда есть стремление создать некоторую единую общезначимую систему философского знания. В ином случае — как вести занятия и оценивать уровень знаний студентов, как вообще обсуждать вопросы преподавания, в т.ч. и методические вопросы, если нет вообще никакого объединяющего начала.

Такое же требование к философии предъявляют и сами слушатели. Они хотят получить более или менее определённый ответ на волнующие их вопросы. А им предлагают разные, часто несовместимые между собой ответы с тем, чтобы они выбрали тот из них, который им больше нравится, отвечает их ожиданиям и представлениям. Это явление опасное, оно противоречит самим целям образования, поскольку выбору всегда должен предшествовать определённый объем базовых знаний.

Философский учебник для неспециалистов можно назвать особой формой публичной философии. Её назначение состоит также и в том, что она обязана давать учащимся и всем читателям понятные ответы на реальные проблемы, которые стоят перед ними и обществом. Поэтому создание учебных философских курсов для огромного разнообразия нефилософских специальностей есть помимо всего прочего и особое искусство, которое заключается в том, как выбрать из огромного объема знаний, накопленных академической профессиональной философией, самое важное и необходимое.

Таким образом, публичная и академическая философии — это две стороны одной медали. Академическая философия во всем её многообразии — предмет занятий профессионального

сообщества. Развитие и эффективность публичной философии в определяющей степени зависит от того, что сможет предложить сегодня академическая, профессиональная философия. Но их нужно развести друг с другом и тем самым защитить академический характер профессиональной философии, которая не может терпеть ни однообразия, ни диктата, поскольку у неё своя логика развития.

Какая публичная философия может помочь России выработать общенациональную идеологию? Теперь мы остановимся подробнее на перспективах создания эффективной идеологии развития, рассчитанной на длительную перспективу. С этой целью обратимся к тем философским учениям, как отечественным, так и зарубежным, которые показали в последние столетия способность к созданию универсальных идеологий. Таковыми оказываются три основные идеологии, несмотря на их модификации и кризисные состояния. Применительно к России это – идеологии западного (европейского) либерализма, марксизма (здесь имеется в виду советский вариант марксистского социализма) и российского консерватизма. Их взаимодействие в современном российском обществе носит весьма интенсивный характер: они ведут жёсткую по многим параметрам борьбу. Но, несмотря на это, можно зафиксировать парадоксальный факт соединения этих трёх идеологий в символах российского государства в начале нынешнего века: это российские флаг, герб и гимн. Никого не удивляют сегодня заложенные в них глубокие смыслы, которые уходят своими корнями в названные ранее совершенно различные идеологии.

Сегодня часто говорят, что нет необходимости в единой обязательной государственной идеологии. С этим мнением можно в целом согласиться, но стране, безусловно, требуется общенациональная идеология развития, которая помогала бы гражданам государства связывать высшие духовно-нравственные ценности общества, его стратегические цели со своим индивидуальным мировоззрением и практическими интересами. Намевившееся по некоторым пунктам сближение этих идеологий пока не свидетельствует о движении к более или менее органическому их соединению и тем самым к достижению прочного общенационального единства.

Так что предварительно на вопрос, какая философия нужна сегодня России, можно ответить так: нам нужна, прежде всего, отечественная публичная философия, которая в своей сущности должна представлять философскую основу создаваемой или уже действующей общенациональной идеологии развития страны. И этой основой должна выступать совокупность основных констант или черт российского государства — цивилизации. Именно создание публичной философии должно быть в центре внимания философов, поскольку, с одной стороны, она опирается на всё многообразие философской академической мысли, а, с другой стороны, находится в постоянном контакте со всем многообразием публичной, прежде всего, политико-идеологической активности граждан.

Это главная задача всей отечественной философии в условиях длительного отсутствия прочного общенационального согласия. Публичный философ должен говорить с любыми по своей идеологической ориентации людьми, убеждать их в необходимости придерживаться базовых констант российской цивилизации, а если ещё не удалось полностью их выявить, то все равно доступно и аргументированно показывать, что их наличие выступает условием существования активной политической жизни в стране, а стало быть и ее динамичного развития.

В настоящее время издано много работ, в основном публицистического характера, в которых своеобразие российской цивилизации обсуждается без обращения к академическим философским трудам. В свою очередь, академическая философия часто проходит мимо и не обращает должного внимания на сегодняшнее состояние духовно-нравственных ценностей и общественно-политических интересов российских граждан. Между академической мыслью и актуальной политической публицистикой, средствами массовой информации, отсутствует то промежуточное, среднее звено, которым и является публичная философия.

В этой ситуации возникает важный вопрос, о котором теперь пойдет речь. Выше говорилось о том, что три универсальных философских учения смогли создать три идеологии, которые изменили мир и продолжают его менять. Я убеждён в том, что ни одна из этих идеологий не может стать сегодня домини-

рующей и тем более единственной идеологией развития российского общества.

Сама по себе постановка вопроса об интегративной идеологии не нова. О ней постоянно пишут публицисты в журналах и газетах, появляются разделы в учебниках по политологии. Замечательно, что эти вопросы наконец-то переместились в центр внимания общественной мысли [см. прим. 2]. Однако встречающиеся здесь суждения и выводы, как правило, лишены основательной философской проработки. Более того, в работах на эту тему вообще не просматривается стремление к установлению диалога различных идеологий между собой. Политический дискурс как таковой слабо просматривается в российском общественном сознании. Философы проявили интерес к интегративным процессам в идеологии ещё в 1990-е гг., когда был издан ряд работ, которые тогда обратили на себя внимание общественности, но затем этой проблемой перестали фактически заниматься.

Трудности создания общенациональной интегративной идеологии велики, и их не следует преуменьшать. Прежде всего, высказывается опасение, что её создание грозит тем, что оно приведёт к перерождению государства в идеократическое (один из главных пунктов классического евразийского проекта для постсоветской России). Строго говоря, функциональное назначение интегративной идеологии заключается в максимальном сплочении значительного большинства граждан для свершения страной мощного мобилизационного рывка.

Не следует забывать, что Россия заметно отстаёт от высоко развитых капиталистических государств по уровню экономического развития, хотя ситуация в последнее время меняется к лучшему. Сегодня сохраняется смысл высказанного почти сто лет назад императива: «Мы отстали от передовых стран на 50-100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут».

В защиту интегративной идеологии можно привести и следующий довод. Отношения России с Западом носят циклический характер. Когда страна в разные времена стремилась подражать Западу, быть похожей на него, как например в последние десятилетия, то растёт идеологическое разнообразие, ведущее её

к катастрофе и распаду. Когда же Россия возвращается к себе, ищет самостоятельный путь развития после разного рода революционных потрясений, то происходит вполне закономерный переход от плюрализма идеологий к национальной идеологии мобилизационного развития, для которого необходимо единство и сплочённость граждан.

В рамках одной статьи нет возможности обсуждать всю содержательную сторону проекта создания интегративной идеологии. Остановимся лишь на вопросе о том, какими интеграционными возможностями обладает каждая из указанных идеологий. Возвращение России к себе означает, прежде всего, возвращение к своим многовековым культурно-историческим традициям. Именно в них скрыто всё богатство отличительных черт российской цивилизации и российского государства.

Несмотря на большую работу, проделанную отечественными учеными в последние два десятилетия, историю становления российской цивилизации, особенно в контексте межцивилизационного взаимодействия, ещё нужно изучать. Но сегодня стало очевидным, как мне представляется, что только российский консерватизм может дать ту теоретическую основу для выстраивания современной интегративной идеологии развития страны, которая будет мыслиться как интеграция консерватизма с важными сторонами идеологии советского социализма и западного либерализма.

Что, на мой взгляд, подтверждает эту точку зрения? Философское учение должно быть отечественным, а не зарубежным учением, испытавшим, разумеется, различные влияния извне. И оно было, и остаётся частью многовековой культурно-исторической традиции. Нужно отдавать себе полный отчёт в последствиях общей отсталости России в прошлом от западноевропейских стран (западной цивилизации в целом), которая породила устойчивые формы заимствования западных философских и идеологических течений. Отечественные философы должны быть, прежде всего, озабочены тем, чтобы в обществе восторжествовало прочное общенациональное единство и согласие относительно основных базовых начал российской цивилизации.

Однако обсуждать и решать эти вопросы следует исходя из сегодняшнего характера отношений Запада и России. Ситуация

остаётся сложной и её не следует упрощать. С одной стороны, отставание российской цивилизации от западной складывалось на протяжении нескольких веков и было бы неосмотрительно закрывать на это глаза и считать, что его можно, как говорится, в одночасье преодолеть. Вечное ученичество, как однажды выразился славянофил А.С. Хомяков, говоря об отношениях России и Запада, ещё не сошло на нет. Глубинная причина сложного состояния философского сообщества, как и самой философской мысли, — это столкновение с экономически более развитой цивилизацией; об этом не один раз напоминал А.В. Смирнов.

В сегодняшней ситуации продолжается и, более того, усиливается давление «коллективного Запада» на общественную жизнь России с целью навязать ей свою повестку. Российский консерватизм вырос на отечественной почве, в то время как классический либерализм и классический марксизм пришли в нашу страну в XIX веке из Европы. И они не могли быть практически использованы в обществе без соответствующей адаптации (главным образом по линии упрощения) к российским условиям. Однако историческая практика к концу XX — началу XXI вв. показала, что и та, и другая идеология потерпели поражение.

Как же складывалась ситуация в первые десятилетия нынешнего века? Обсуждение консервативного проекта началось в 1990-х годах, и всё это время вплоть до сегодняшнего дня оно продолжается по нарастающей. Можно назвать богатейшую историко-философскую литературу, многочисленные монографии и журнальные статьи [см. прим. 3]. Но вот что примечательно, что как и в случае с обсуждением интегративной идеологии, здесь складывается аналогичная ситуация. Практически глубоко не обсуждается отношение современного консерватизма к марксистским социалистическим идеям. Несколько лучше его отношение к либеральным идеям, которые ещё совсем недавно были доминирующими в выступлениях правящей элиты, в СМИ и в соцсетях.

К примеру, в статье М.Н. Начапкина «Феномен современного российского консерватизма: проблемы изучения и перспективы развития», опубликованной в журнале с примечательным названием «Научный диалог», нет и намёка на диалог. Автор утверждает, что «анализ работ современных консерваторов позволяет сделать вывод о большом, ещё не используемом по-

тенциале российского консерватизма» [7, 211]. Вывод понятен. Не ясно только, кто будет реализовывать консервативные проекты в жизнь, кто главный политический субъект этой реализации? Но если бы мы ограничились констатацией того факта, что та или иная идеология не принимает всерьёз наличие других идеологий и не собирается вести политический диалог, то тогда и нет смысла ставить вопрос о создании интегративной идеологии.

Но на самом деле все три выделенные нами идеологии постоянно вбирают в себя наиболее пригодные для них идеи, принадлежащие другим идеологиям. Отсюда и постоянно возникающие сожаления и даже претензии о заимствованиях идей друг у друга, очень часто при отсутствии названия конкретных источников. Консерватизм не может стать в своем классическом виде притягательным, а тем более доминирующим в общественной жизни, поэтому он вбирает в себя многие идеи, характерные для других идеологий. К примеру, появляется «творческий консерватизм», который начинает обсуждение привлекательного образа будущего по образцам идеологии советского социализма, или даже в духе Русской мечты.

Примерно то же самое можно сказать и в отношении классического западного либерализма, который уже в начале 1990-х гг. начинает осваивать консервативные ценности. Как отмечает Э.А. Попов, первооткрывателем «консервативного творчества» в рамках российского либерализма стала партия российского единства и согласия (см. прим. 1, с. 125). По-видимому, это была первая попытка создания постсоветского консервативного либерализма. Более удачной попыткой оказалась созданная партией «Наш дом – Россия» идеология либерального консерватизма, которая стала выполнять де факто некоторые функции государственной идеологии.

Ситуация, можно сказать, немного парадоксальная. В Конституции РФ 1993 г. уже была воспроизведена фундаментальная черта российского консерватизма, что специально отметила Л. Шевцова, – один из непримиримых представителей радикального западного либерализма. «Уже до того, как в Россию пошла западная помощь, Россия начала воссоздавать систему персоналистской власти. ...Если речь идёт о сближении с Западом, то России придется, видимо, пойти по пути “подчинённо-

го” либерально-демократического развития, как страны Центральной и Восточной Европы» [17, 26].

В 80-й статье Конституции РФ говорится: «Президент определяет основные направления внутренней и внешней политики государства», что возвышает его над всеми ветвями власти. Впоследствии в Конституцию были также внесены важные поправки, которые позволили выстроить полностью высокоцентрализованную властно-управленческую структуру.

Впрочем, такая структура государственной власти устраивала пришедшую к власти либеральную элиту, которая всерьёз была намерена использовать всю эту систему в качестве орудия своей диктатуры. Но сопротивление было настолько велико, как с точки зрения других партий, так и со стороны различных социальных слоев населения, что правящая часть радикальной либеральной элиты добровольно пошла на смену политического режима в конце прошлого века и стала переходить на позиции либерального консерватизма.

Так что либерально ориентированная часть российского общества сегодня разделена на две потока. Либералы-западники активно выступали и выступают за продолжение реализации западного проекта типа «модерн». Их не устраивает то обстоятельство, что Россия остановилась, по их мнению, на полпути. Общий смысл этих либеральных настроений образно выразил решительный противник империи и всех имперских амбиций Э. Паин: «Смогут ли россияне выдавить из себя империю?.. В России растущая ксенофобия — одно из состояний затухающей империи, повелители которой эксплуатируют самые архаичные формы имперского национализма в сочетании с искусственным “традиционализмом” и клерикализмом» [8, 49-50].

Нужно отметить, что примерно четверть жителей страны разделяют ценности либерализма, и некоторые из этих ценностей прочно вошли в российскую жизнь. Защита Конституцией частной собственности и рыночных отношений означает и защиту определённого образа жизни, поведения и взглядов, а, следовательно, и право на существование либеральной идеологии. Тренд реформирования российского государства с либерально-западнической точки зрения выглядит весьма простым и понятным: довести неоконченный процесс его преобразования до со-

стояния нормального европейского государства. Высказываются при этом и совсем уж радикальные взгляды о необходимости настоящей либеральной диктатуры с тем, чтобы довести этот процесс до конца.

Убеждённые консерваторы с большой осторожностью относятся к тем либеральным идеям, которые пришли в Россию вместе с перестройкой. Появление либерального консерватизма явилось результатом компромисса между персоналистской высшей властью и прозападной либеральной олигархией, который не разрешил глубоких противоречий между ними, но получил определённое идеологическое оформление, к стати воспринятое негативно значительной частью населения страны.

Либеральный консерватизм, который фактически выступал правящей идеологией, вскоре после 2012 г. стал эволюционировать в направлении социального консерватизма. Большое внимание в политике последнего отводится сохранению культурно-исторических традиций, социальному положению и социальной защите граждан, однако главный вопрос о стратегической цели развития остается до сих пор нерешённым.

В первом десятилетии нынешнего века начался процесс усиления централизованного государства. Его защитники апеллировали к истории страны. Основную идею консервативной позиции удачно выразил А.С. Панарин. Про его мнению, идея централизованной империи «выстрадана в России в ходе трагического опыта усобиц, разрывающих единое народное тело и препятствующих нормальной цивилизованной жизни» [9, 892]. Именно империя и выступала носителем развитой совокупности базовых констант российской государственности.

Всё сказанное не означает апологии российской империи, тем более, её дореволюционного внешнего облика. Речь идёт о многовековом сохранении матрицы (культурного кода) воспроизводства государства-цивилизации как целостной социально-исторической общности, которая, разумеется, несовершенна, как и всё то, чего она достигает и чем гордится.

Матрица российского государства сложилась в добуржуазную эпоху и, порождая впоследствии другие конкретные формы государственности, остаётся себе тождественной с точки зрения своей субстанциональности или онтологических констант. В этом

и заключается разгадка того, что называется уникальностью российской цивилизации при рассмотрении логики развития российской имперской государственности – Русского (Российского) царства, Петровской империи, Советского Союза, Российской Федерации. Возрождение в новых формах традиционных структур власти и общества в государствах-цивилизациях на современном этапе их развития – несомненный эмпирический факт [16].

Историчность концепта «империя» – одна из самых сложных проблем социально-гуманитарного знания. Глубинное родство и различия конкретно-исторических видов Российской империи требуют введения в социально-гуманитарную науку новых понятий, отражающих современное содержание и функции российского государства. И одно из таких понятий, которое нам представляется главнейшим, появилось совсем недавно – это государство-цивилизация или страна-цивилизация. Оно обладает большой новизной и своим собственным богатым содержанием. Уникальность и неповторимость её облика объясняется также и тем природным ареалом, который она занимает.

Мы уже говорили о том, что в состав интегративной идеологии должны войти тем или иным образом и многие положения идеологии советского общества. Если брать ценностные, идеологические предпочтения российских людей, то они делятся примерно на три равные части. При этом одна треть четко придерживается левых, в основном социалистических взглядов и настроений.

Как же консерватизм выстраивает свои отношения с социалистическими настроениями российских людей? Необходимо, прежде всего, выяснить, в чём заключается их глубокое родство и не менее глубокое различие. Многие авторы, пишущие о современной России, считают, что, в каких бы облициях она ни выступала на исторической арене, всегда была, есть и останется в обозримом будущем империей. Конкретная атрибутика есть просто детали, а суть остается одной и той же. Смысл такого суждения состоит в утверждении бесспорного факта, что существует определённая матрица российского государства-цивилизации в виде набора неизменных констант. Но почему это следует считать негативным явлением, а саму Россию несовременной страной?

Как уже ранее отмечалось, глубинное родство между Петровской империей, Советским государством, которое иначе как империей на Западе не называют, и современной Российской Федерацией заключается в схожей организационной конструкции государства. Если брать идеологическое содержание дореволюционного (классического) консерватизма и советского социализма, то различия между ними весьма существенны. Но сегодняшний российский социальный консерватизм стремится ориентироваться не только на многовековые имперские традиции, но и на советские. Но с моделью будущего, совершенного общества у него имеются проблемы.

В идеологии советского марксизма весь пафос был обращен на строительство коммунистического общества. При этом она относилась к культурно-историческим традициям в целом как к архаике, к чему-то устаревшему. По мере того, как строительство развитого социалистического общества заходило в тупик, принципы раннего, административного социализма переставали быть двигателем прогресса и превращались в его тормоз. В этой ситуации родилось стремление найти в прошлом новые стимулы к продолжению строительства социализма. После падения общества реального социализма сторонники продолжения социалистического пути всё настойчивей стали говорить о необходимости обратиться к новой модели социализма – к социализму с российской спецификой, наподобие того, как это имеет место в современном Китае, достигшем фантастических успехов на пути строительства социализма с китайской спецификой.

Переход к новой модели социализма – социализма XXI века – давался и даётся российским коммунистам, всем сторонникам социалистического пути, трудно; далеко не однозначно он оценивается ими и сегодня. По словам Г. Зюганова, «основой идеологии, открывающей путь к возрождению, должна стать современная русская идея, способная объединить все народы страны во имя общего дела и общего блага. Идея, опирающаяся на социализм и тысячелетние духовные, патриотические ценности. Скрепляющая нацию в едином творческом порыве» [4]. Это основной тренд, который свидетельствует о сближении коммунистической идеологии с социальным консерватизмом, присвоении ряда его основополагающих принципов. Многие авторы

пишут о том, что при такой позиции КПРФ трудно выдавать себя за идейного преемника КПСС. Тем не менее, если будущее российского общества неразрывно связано с социализмом, то он должен принять российский характер, вобрать в себя основные черты российской цивилизации. И это большая проблема.

В советском социализме главной положительной чертой была устремлённость в будущее, поэтому историческое прошлое казалось далекой архаикой. Это противопоставление будущего прошлому сыграло роковую роль в его судьбе. Он был государственно-административным социализмом, и он не мог быть другим, поскольку деятельность государства как главного субъекта созидания нового общества восполняла отсутствие ряда важнейших условий для его нормального, естественно-исторического развития. Возвращение к прошлому привело к осознанию неразрывной связи будущего с прошлым, с тем, что составляет основные черты, константы российского государства, всей российской цивилизации в целом.

Преодолению конфликта между идеологией социального консерватизма и советского социализма способствует тот факт, что многие их оценки схожи, к примеру, в отношении особенностей природы российского государства. Кажется, значительное большинство граждан согласны с тем, что в современных условиях необходимо иметь сильное централизованное государство. Но сложившаяся идеологическая ситуация такова, что её разные участники строят свои проекты с использованием собственного понятийного аппарата. И потому могут идти параллельными курсами в своих обращениях к гражданам. Интегративная идеология при таком положении дел складывается медленно, вмещая в себя самые разные противоречия.

Способ преодоления различий между идеологиями консерватизма и марксизма состоит в том, что советский социализм должен быть переосмыслен в социализм с российской спецификой не внешне, не в виде прибавления новых слов и предложений, а теоретически выведен из многовековой истории российского общества. Идеология социального консерватизма, в свою очередь, должна получить светскую интерпретацию. Как известно, божественное как сакральное составляет стержень всего идеологического содержания консерватизма. Сакральное, по-

видимому, будет присутствовать и в понятийном аппарате интегративной идеологии, но это будет уже светская сакральность. По замечанию В.И. Спиридоновой, при разработке проблем консолидации российского общества приходится сталкиваться «с недостаточным осознанием важности роли сакрального в устроении социального порядка» [13, 36]. Светски понятое «сакральное» — одно из наиболее важных функциональных оснований социальности в современных развитых государствах, мощная основа единства и согласия его граждан.

Приходится, однако, говорить о том, что все рассуждения о взаимодействии и взаимном проникновении идеологий не рожают особого оптимизма в быстром и благополучном решении вопроса о создании общенациональной идеологии. Дело в том, что пока не очень получается решить проблему духовного возрождения российских граждан. Главное сегодня — решительно поменять подходы к её решению. Скорее всего, духовность должна носить, как и высшая власть, интегративный и надпартийный по своему содержанию характер, способный объединить людей вокруг практического решения Общего Дела.

Историческое творчество русского, российского человека предметно и выразительно проявилось и проявляется, прежде всего, в покорении, в освоении пространства, имеющего четыре измерения: земное, водное, воздушное и космическое. Это та неведомая стихия, на освоение которой всегда было направлена изобретательность, творчество, энергия, немыслимая отдача и преданность русского человека на протяжении столетий. Причем отношение к этой стихии, в общем, естественно лишено жестких идеологических и партийных перегородок.

Символ российской жизни — Дорога. От дороги до края света, которую искали землепроходцы и мореплаватели, до дороги в Космос. Это стремление к освоению пространства имеет мощные исторические и метафизические корни — от крестьянских утопий о «счастливых землях» и до русского космизма. Российская (русская) цивилизация и сегодня остаётся уже не просто «цивилизацией пространства», а устремленной в будущее «цивилизацией покорения пространства и времени».

Теперь можно сказать в заключение, насколько сложны, ответственны и абсолютно необходимы публичная философия и

деятельность публичного философа в обществе. Ведь на него возложена задача создания интегративной идеологии, которая может быть решена, если философ при общении с представителями различных идеологических направлений будет обсуждать вместе с ними как смысл наиболее значимых черт российской цивилизации, так одновременно и возможности интегративного видения будущего в его идеологически значимой временной перспективе. Это задача не одного дня. Вопрос о принципиально новых механизмах воздействия идеологии на массовое и индивидуальное сознание в XXI в. является предметом отдельного, самостоятельного исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аккерман Ф., Аккерман Я., Литтке А., Ниссер Ж., Томанн Ю. Прикладная история или публичное измерение прошлого // Журнальный зал. [электронный ресурс] URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2012/3/a19.html> (дата обращения – 16.04.2023).
2. Буравой М. «За публичную социологию» // Общественная роль социологии. Под ред. Романова П. и Ярской-Смирновой Е. – М.: Вариант. 2008. – 173 с.
3. Гусейнов А.А. О назначении философии // Философия и история философии. К 90-летию академика Т.И. Ойзермана. М., 2005. [электронный ресурс] URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s01/z0001041/st000.shtml> (дата обращения – 15.04.2023)
4. Зюганов Г.А. Русский стержень державы // Завтра. Блоги и сообщества // Авторский блог Геннадия Зюганова. 22 мая 2020 г. [электронный ресурс] URL: https://zavtra.ru/blogs/russkij_sterzhen_derzhavi (дата обращения: 20.04.2023).
5. Липман У. Публичная философия. – М.: Идея-Пресс, 2004. – 159 с.
6. Межуев В. Философия как идеология // Философский журнал. – 2017. – Т. 10. – № 4. – С. 171–180.
7. Начапкин М.Н. Феномен современного российского консерватизма: проблемы изучения и перспективы развития // Научный диалог. – 2016. – №7(55). – С. 199–214.
8. Паин Э. Ксенофобия и национализм в эпоху российского безвременья // Pro et Contra, 2014. – № 1-2. – С.34–53.
9. Панарин А.С. Православная цивилизация. – М.: Институт русской цивилизации, 2014. – 1248 с.
10. Пружинин Б.И., Келле В.Ж. Беседа Б.И. Пружинина с В.Ж. Келле (11 мая 2010 г.) // Вопросы философии. – 2011. – №1. – С. 60–67.
11. Соловьев Э.Ю. Философия как критика идеологий. Часть II // Философский журнал. – 2017. – N.10. – № 3. – С. 5–31.
12. Смирнов А.В. Текущие задачи русской философии // Проблемы цивилизационного развития. 2021. – Т. 3. – № 1. – С. 188–210.
13. Спиридонова В.И. Новые измерения глобализма и проблема консолидации российского общества // Социально-исторические и идейные основы современного российского государства. – М.: ИФ РАН, 2014. – С.11–56.
14. Философия в публичном пространстве современной России. Сборник материалов. – М.: ЛУМ, 2015 – 104 с.
15. Шевченко В.Н. Зачем нужна обществу публичная философия? // Философский журнал. – 2014. – № 1 (12). – С. 5–18.

16. *Шевченко В.Н.* Онтологические константы России как государства-цивилизации в контексте всемирной истории // *Философские науки*. – 2019. – Т. 62. – № 1. – С. 29-47.
17. *Шевцова Л.* Одинокая держава: Почему Россия не стала Западом и почему России трудно с Западом / Моск. Центр Карнеги. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – 272 с.

Примечания

1. См. статьи, опубликованные в журнале Института философии РАН: *Межуев В.М.* Кому и зачем нужна сегодня философия? // *Философский журнал*. – 2012. – № 2. – С. 5-16; *Федорова М.М.* Философия и политика // *Философский журнал*. – 2012. – № 2 – С. 17-26; *Кара-Мурза А.А.* Как идеи превращаются в идеологии: российский контекст // *Философский журнал*. – 2012. – № 2 – С. 27-44.

2. См.: *Лотарев К.А.* Возможности и перспективы консерватизма в консолидации российского общества // *Власть*. – 2016. – № 2. – С. 101-111; *Мигранян А.М.* Переосмысливая консерватизм // *Вопросы философии*. – 1990 – № 11. – С. 114-122; *Никонов В.А.* Эпоха перемен: Россия 90-х глазами консерватора. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 888 с.; *Попов Э.А.* Русский консерватизм: идеология и социально-политическая практика – Ростов на Дону: Ростовский ун-т, 2005. – 196 с.; *Просвещенный консерватизм. Российские мыслители о путях развития российской цивилизации (Политическая антология) / Авт.-состав. Д.Н. Бакун.* – М.: Грифон, 2012. – 608 с.; *Репников А.В.* Консервативные концепции переустройства России – М.: Academia, 2007. – 520 с.; *Социальный консерватизм как фьюшн-идеология // Журнал «Изборский клуб».* – 2021. – № 11. – С. 4-18; *Тяпин И.Н.* Современная оценка имперского опыта российской цивилизации: противостояние подходов и возможности их интеграции // *Тетради по консерватизму.* – 2022. – № 2. – С. 277-286; *Черняховский С.Ф.* Империя как запрос // *Тетради по консерватизму.* – 2022. – № 2. – С. 319-334.

3. *Багдасарян В.* Образ ковчега. Интегральная идеология России // *Завтра. Сообщество «Изборский клуб»* [электронный ресурс] URL: http://zavtra.ru/blogs/obraz_kovchega (дата обращения – 31.03.2021); *Идеология Победы как национальный проект (Интегральный доклад Изборского клуба) // Журнал «Изборский клуб».* – 2021. – № 10. – С. 8-62; *Калашников М.* Мосты в грядущее. Об интегральной идеологии Великой России // *Завтра. Сообщество «Образ будущего»* [электронный ресурс] URL: zavtra.ru/blogs/mosti_v_grydushee (дата обращения – 28.04.2023); *Делягин М.* Новая русская идеология // *Сайт Института Царьграда* [электронный ресурс] URL: <https://katehon.com/ru/article/novaya-russkaya-ideologiya> (дата обращения – 28.04.2023).

Vladimir N. Shevchenko

WHAT KIND OF PHILOSOPHY DOES RUSSIA NEED TODAY?

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (Moscow).
E-mail: vladshevchenko@mail.ru

***Abstract:** one of the most pressing issues of modern life in Russian society is discussed in the paper: under what conditions can philosophy*

more effectively serve today the dynamic development of Russia. The legitimacy of introducing such a compound concept as public philosophy into the categorical apparatus of modern social philosophy is proved. Further, the necessity of a clear distinction between academic, professional philosophy and public philosophy as a special part of the content of academic philosophy is affirmed. The main meaning of the idea of public philosophy is that it is a certain set of values and principles on which the Russian civilization was built and continues to develop. Considerable attention is paid to the analysis of the process of formation of a nationwide integrative ideology, which is conceived as a synthesis of the ideology of conservatism with important aspects of the ideology of Soviet socialism and Western liberalism. A detailed analysis of the difficulties and obstacles faced by the process of formation of an integrative ideology in Russian society is given.

Keywords: *academic philosophy, public philosophy, enlightenment, political activism, integrative ideology, conservatism, Soviet socialism, Western liberalism*

REFERENCES

1. Akkermann F., Akkermann Ya., Littke A., Nisser Zh., Tomann Yu. Prikladnaya istoriya ili publichnoe izmerenie proshlogo // Neprikosnovennyi zapas. – 2012. – № 3(83).
2. Buravoi M. «Za publichnuyu sotsiologiyu»./ Obshchestvennaya rol' sotsiologii. Pod red. Romanova P. i Yarskoi-Smirnovoi E. – M.: Variant. 2008. – 173 s.
3. Guseinov A.A. O naznachenii filosofii // Filosofiya i istoriya filosofii. K 90-letiyu akademika T.I. Oyzermana. M., 2005 [elektronnyi resurs] URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s01/z0001041/st000.shtml> (data obrashcheniya – 15.04.2023).
4. Zyuganov G.A. Zavtra. Blogi i soobshchestva // Avtorskii blog Gennadii Zyuganova. 22 maya 2020. (data obrashcheniya – 20.04.2023).
5. Lipman U. Publichnaya filosofiya. – M.: Ideya-Press. – 2004. – 159 s.
6. Mezhuiev V. Filosofiya kak ideologiya // Filosofskii zhurnal. – 2017. T. 10. – № 4. – S. 171-180.
7. Nachapkin M.N. Fenomen sovremennogo rossiiskogo konservatizma: problemy izucheniya i perspektivy razvitiya // Nauchnyi dialog. – 2016. – №7 (55). – S. 199-214.
8. Pain E. Ksenofobiya i natsionalizm v epokhu rossiiskogo bezvremen'ya // Pro et Contra. – 2014. – № 1-2. – S. 34-53.
9. Panarin A.S. Pravoslavnaya tsivilizatsiya. – M.: Institut ruskoj tsivilizatsii, 2014. – 1248 s.
10. Pruzhinin B.I., Kelle V.Zh. Beseda B.I. Pruzhinina s V.Zh. Kelle (11 maya 2010 g.) // Voprosy filosofii. – 2011. – № 1. – S. 60-67.
11. Solov'ev E.Yu. Filosofiya kak kritika ideologii. Chast' II // Filosofskii zhurnal. – 2017. – N.10. – №3. – C.5-31.
12. Smirnov A.V. Tekushchie zadachi ruskoj filosofii // Problemy tsivilizatsionnogo razvitiya. – 2021. – T. 3. – № 1. – S. 188-210.
13. Spiridonova V.I. Noveye izmereniya globalizma i problema konsolidatsii rossiiskogo obshchestva // Sotsial'no-istoricheskie i ideinye osnovy sovremennogo rossiiskogo gosudarstva. – M.: IF RAN, 2014. – S.11-56.

14. *Filosofiya v publichnom prostranstve sovremennoi Rossii / Sbornik materialov.* – М.: LUM, 2015 – 104 s.

15. *Shevchenko V.N. Zachem nuzhna obshchestvu publichnaya filosofiya? // Filosofskii zhurnal.* – 2014. – № 1 (12). – S. 5-18.

16. *Shevchenko V.N. Ontologicheskie konstanty Rossii kak gosudarstva-tsilizatsii v kontekste vseмирnoi istorii // Filosofskie nauki.* – 2019. – Т. 62. – № 1. – S. 29-47.

17. *Shevtsova L. Odinskaya derzhava: Pochemu Rossiya ne stala Zapadom i pochemu Rossii trudno s Zapadom / Mosk. Tsentr Karnegi.* – М.: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2010. – 272 s.

Поступила в редакцию – 08.05.2023 г.